

**Министерство образования и науки
Российской Федерации**

Байкальский государственный
университет экономики и права

Академия наук Монголии

Институт истории
Институт международных исследований
Институт национального развития

Россия и Монголия в начале XX века ДИПЛОМАТИЯ, ЭКОНОМИКА, НАУКА

Книга 3

*Часть 1. Статьи участников
III Международной научно-практической конференции*

Сборник научных трудов

Иркутск
Улан-Батор
Издательство БГУЭП
2014

УДК 061.1:911(470+517.3)
ББК 26.89(5)
Р76

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Байкальского государственного университета экономики и права

Научный руководитель проекта
с российской стороны
д-р экон. наук, проф. **М.А. Винокуров**

Научный руководитель проекта
с монгольской стороны
акад., проф. **Б. Энхтувшин**

Редакционная коллегия
д-р экон. наук, проф. **А.П. Суходолов**,
д-р ист. наук, проф. **Ю.В. Кузьмин**,
канд. ист. наук, доц. **В.А. Василенко**,
Д.А. Папонова (отв. секр.)

Редакционная коллегия
д-р экон. наук, проф. **Т. Дорж**,
д-р экон. наук, проф. **Б. Болдбатор**,
д-р ист. наук, проф. **О. Батсайхан**,
Ж. Орхон (отв. секр.)

Р76 Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука. — Кн. 3, ч. 1 : Статьи участников 3-й Международной научно-практической конференции : сб. науч. тр. — Иркутск ; Улан-Батор : Изд-во БГУЭП, 2014. — 384 с.

ISBN 978-5-7253-2734-2

Содержит статьи, подготовленные для III Международной научно-практической конференции, посвященные анализу отношений России и Монголии в различных аспектах — торгово-экономическом, социальном, региональном, политическом. Дается характеристика российско-монгольских отношений, рассматриваются отдельные исторические события, повлиявшие на отношения между странами.

Для всех интересующихся вопросами истории отношений России с соседними странами.

ББК 26.89(5)

ISBN 978-5-7253-2734-2

© Издательство БГУЭП, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово ректора Байкальского государственного университета экономики и права профессора М.А. Винокурова	8
Вступительное слово президента Академии наук Монголии академика Б. Энхтувшина	9
Винокуров М.А. Россия: нужна смена парадигмы развития.....	10
Суходолов А.П. Российско-монгольское сотрудничество: предпосылки и направления развития.....	15
Суходолов А.П., Болдбаатар Б., Кузьмин Ю.В. Российская империя и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука	19

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ Россия и Монголия в начале XX века: история и геополитика

Дацышен В.Г. Монголия в составе Цинской империи в начале XX века и Синьхайская революция	25
Кузьмин С.Л. Легитимация теократической власти и восстановление монгольской государственности в начале XX века.....	48
Энхцэцэг Д. О Хатун Дондогдулам — «мать-дакини государства Богдо-хана» / Богдын хатан улсын эх Дагина Дондогдулам	68
Баярсайхан Б. Некоторые вопросы истории права монгольского государства периода Богдо-хана / Богд хаант монгол улсын эрх зүйн түүхийн судалгааны зарим асуудал.....	76
Крайнова Л.Н. Экономические основы буддийской церкви и монастырей Монголии в конце XIX — начала XX века	79
Кузьмин С.Л. Пребывание Далай-ламы XIII в Монголии и планы провозглашения независимости	86

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ Россия и Монголия в начале XX века: торгово-экономические отношения

Батсайхан О. Независимость Монголии 1911 года и Богд Хаан	93
Даваасурэн А. Российско-монгольские торгово-экономические отношения в первой четверти XX века.....	98
Кузьмин Ю.В. Генеральный консул России в Монголии Я.П. Шишмарев о Монголии и монголах: к 180-летию со дня рождения Я.П. Шишмарева (1833–1915)	105
Третьяков В.Г. Монголия как геополитический центр притяжения железнодорожного строительства в конце XIX — начале XX века.....	110

Третьяков В.Г. Первые предложения и проектно-изыскательские работы в направлении Кяхта — Урга в 1890–1916 годах	121
Дацышен В.Г. Китайцы в Забайкалье в первой четверти XX века	136
Тагаров Ж.З. Купеческий род Лушниковых: опыт исторической реконструкции	161
Тагаров Ж.З. Русско-китайская торговля через Кяхту и ее значение для развития торговых отношений России и Монголии	172

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

Политико-дипломатические отношения (1900–1921)

Батбаяр Ц. Политика великих держав в отношении азиатского континента и монгольский вопрос	178
Гавриков А.А. Монголия в русско-японских отношениях 1905–1917 годов	185
Дугаров В.Д. Россия и Монголия: вопросы военного сотрудничества в конце XIX — начале XX века в отечественной историографии	188
Сизова А.А. Культурное измерение деятельности российской дипломатии в Монголии (вторая половина XIX — начало XX века): основные направления и результаты	203
Урангуа Ж. Фактор императорской России в становлении независимости Монголии / Монголын тусгаар тогтнолд хаант оросын үзүүлсэн хүчин зүйлс	211
Урангуа Ж., Цэнджав Г. К вопросу о деятельности русского финансового советника при монгольском правительстве С.А. Козина (1914–1916)	219
Кузьмин Ю.В. «Урянхайский вопрос» и русско-монголо-китайские отношения в российской историографии и общественной мысли России на рубеже веков	224
Хишигт Н. Участие России в военном деле Монголии	248
Кузьмин Ю.В. Деятельность российских военных в Монголии и иркутские архивы о деятельности японцев в Монголии и Маньчжурии на рубеже веков	263
Михалев А.В. Китайская колонизация северо-восточной Монголии начала XX века в исследованиях российского генштаба	267
Шурхуу Д. Русско-монголо-китайские отношения и урянхайский вопрос (1915–1919) / Орос, монгол, хятадын харилцаа дахь Тагна Урианхайн асуудал (1915–1919 он)	272
Василенко В.А. Установление протектората России над Тувой и российско-монгольские отношения	279
Болдбаатар Ж., Батбаяр Ц. МНРП и Гоминьдан: отношения в 1925 году / Махн ба гоминьданы харилцаа 1925 онд: МАХН-ын төлөөлөгчид Бээжин, чуулалт хаалганд зорчсон нь	283

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

«Монгольский вопрос» в общественно-политической мысли России. Проблемы культурного взаимодействия

Пунсалдулам Б. Обзор и особенности монгольской историографии в начале XX века (1911–1920)	289
Скородумова Л.Г. Инжинаш — предтеча монгольского романа. Синяя сутра	297

Содержание

Полянская О.Н. Восточный институт во Владивостоке, его роль в изучении Монголии. Востоковеды Алексей и Дмитрий Позднеевы	308
Ванчикова Ц.П. Ц.Ж. Жамцарано — выдающийся российский ученый востоковед, организатор науки в Монголии и Бурятии, просветитель монгольского и бурятского народов	320
Ванчикова Ц.П. Монголия в полевом дневнике Ц.Ж. Жамцарано 1904 года	325
Батбаяр О. Представления военных кругов Японии и России о Монголии: до и после провозглашения независимости Монголии 1911 года	329
Баярсайхан Б. Некоторые вопросы исследования истории права Богд-ханской Монголии	337
Гольман М.И. Оуэн Латтимор — выдающийся исследователь истории Монголии первой половины XX века	340
Кузьмин Ю.В., Суходолов А.П., Рачков М.П. «Жизнь на восточной окраине» — первая газета в России на монгольском языке	343
Кузьмин Ю.В. Иркутская школа монголоведения в первой четверти XX века. Профессор Н.Н. Козьмин: историк и востоковед (1872–1938)	348
Шмыт А. Польское монголоведение в 1900–1921 годах	356
Кузьмин Ю.В. Мемуары — исторический источник по истории Монголии первой четверти XX века	359
Шинковой А.И. Материалы к исследованию Монголии, собранные учеными-путешественниками в последней четверти XIX столетия, дополненные списком фотографий Н.А. Чарушина из собрания иркутского областного краеведческого музея, а также архивными документами из собрания государственного архива Иркутской области	367
Кульганек И.В. Рукописи на старомонгольском языке об императоре Николае II из фондов Института восточных рукописей РАН	378

КУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В МОНГОЛИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX ВЕКА): ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ

С самых ранних этапов российско-монгольских отношений одним из важнейших их составляющих является межкультурное взаимодействие. Благодаря интенсификации торговых связей между двумя странами во второй половине XIX — начале XX в., диалог монгольской и российской культур вышел на новый уровень. Учреждение императорских консульств и формирование российских факторий в монгольских городах значительно способствовало расширению и углублению социально-культурных и прочих контактов двух народов. Одновременно культурный фактор играл значимую роль в продвижении торгово-экономических и политических интересов России в Монголии, которая в указанный период входила в состав Китая.

Инструментом, способствовавшим реализации интересов России в соседней стране, в том числе выстраиванию и поддержанию дружественных отношений с китайской и монгольской администрацией, созданию благоприятных условий для российской торговли и жизнедеятельности колонии соотечественников и т.д., являлись мероприятия, которые собирательно могут быть названы современным термином «культурная дипломатия»*. В настоящее время, по мере возрастания значимости категории т.н. «мягкой силы» (softpower) в практике международных взаимодействий, изучение исторического опыта культурной дипломатии различных государств актуализируется. Механизмы и инструменты дипломатии «второй дорожки», получившие всестороннее развитие в международной деятельности государств Европы и Америки, привлекают все большее внимание как лиц, принимающих политические решения, так и исследователей по всему миру.

* Под «культурной дипломатией» в данной работе понимается презентация национальной культуры силами дипломатического ведомства и/или другого полномочного органа, ориентированная на решение внешнеполитических задач.

В изучаемый период, характеризующийся, в основном, геополитическим подходом к рассмотрению международных взаимодействий, термины «культурная политика» и «культурная дипломатия» в их современном понимании отсутствовали в лексиконе кругов, занятых в выработке и осуществлении государственной политики. Действия, направленные на популяризацию культуры одного государства среди населения другого, находились в неразрывной связи с мерами укрепления политического и экономического влияния и объединялись в рамках собирательного понятия «политика». Первоначально «культурная политика» относилась исключительно к внутригосударственной сфере. Однако в XX в. данный термин получил широкое распространение и применительно к международным контактам, в результате чего, появились понятия «внешняя культурная политика» и «международная культурная политика» государства. Понятие «внешней культурной политики» тесно связано с использованием «мягкой силы»¹, характеризующей способность государства добиваться желаемых внешнеполитических и экономических результатов на основе несилевого взаимодействия с партнерами, в большей степени, обусловленного привлекательностью образа данного государства. Касательно термина «культурная дипломатия», в современной политической науке существует множество подходов к его пониманию. В настоящей работе, с учетом исторического контекста, под ним будет подразумеваться презентация национальной культуры, непосредственная деятельность уполномоченных государственных и негосударственных органов и организаций по реализации «культурной политики» государства в отношении других акторов международных взаимодействий.

Базовыми институтами культурной дипломатии в международной практике XIX — на-

чала XX в. были официальные заграничные представительства — посольства, миссии и консульства. Таковыми институтами России в Монголии являлись императорские консульства. Российские консульские учреждения совместно с русскими поселенцами в разных городах кочевой страны в период с 1861 г. до 1917 г. смогли претворить в жизнь значительное количество проектов, направленных на привлечение симпатий монгольского народа к России. Гуманитарные инициативы России в Монголии приносили пользу не только российским подданным, но и местному населению, которое получало доступ к современной медицине, образованию, социальной инфраструктуре и другим повышавшим качество его жизни достижениям цивилизованного мира. В свою очередь, это во многом обусловило формирование дружеского отношения населения Монголии к «северному соседу» и оказало положительное влияние на политическую судьбу этой страны в начале XX в.

Особое внимание к идее «окультуривания» соседних азиатских народов, высокой культурно-нравственной миссии России в Азии российское правительство и общественность обратили на фоне системного кризиса в Цинской империи середины 1890-х гг. Популяризации идеологии укрепления культурного и прочего влияния России на окраинах Китая способствовали публикации «востокофилов», в первую очередь, князя Э.Э. Ухтомского², а также иных политических, общественных деятелей и предпринимателей. Таким образом, культурная политика России в Монголии была тесно связана с представлениями властных кругов о возможности использовать культурные инструменты не только для решения конкретных политических и экономических задач в Азии, но и с более широкой гуманитарной целью — ознакомления «менее цивилизованных», с точки зрения европейского человека, народов с современным прогрессивным миром.

В этом контексте целью приобретающей с конца XIX в. более четкие очертания культурной политики Российской империи в Монголии как инструмента «монгольской» политики до 1917 г., было укрепление культурного влияния России и обеспечение благоприятных условий для российской торговли и жизнедеятельности колонии соотечественников в регионе. Основными же ее задачами являлись формирование

позитивного имиджа России в глазах местного населения и стимулирование приобщения последнего к российским (в более широком смысле — европейским) культурно-духовным ценностям.

Основная задача консулов в Монголии в области культурной дипломатии формулировалась МИД в должностной инструкции и сводилась, преимущественно, к привлечению симпатий монголов, содействию установлению добрых отношений российских и китайских подданных на благо двусторонней торговли³. Данная задача могла решаться любыми способами на усмотрение консулов, следовательно, возможность их проведения в жизнь во многом зависела от инициативы самих дипломатов.

На практике деятельность официальных представителей России на «культурном» направлении включала мероприятия по приобщению монгольской духовной, светской аристократии и рядовых скотоводов-аратов к «благам цивилизации»*, в том числе к европейской медицине, ветеринарии, образованию, литературе и периодической печати, использованию городской инфраструктуры, а также ознакомление с элементами европейской политической культуры и военного дела. В период автономии Монголии (после 1911 г.) содержание «культурной миссии» обогатилось такими формами, как помощь в развитии книгопечатания, организация обучения монгольской молодежи в России, привлечение монгольской интеллигенции к совместным научным исследованиям. В данной статье рассмотрены лишь некоторые аспекты деятельности российских консульств в рамках этого направления.

Консульства России в Монголии были учреждены в соответствии с российско-китайскими договорами 1851–1881 гг. Консульство в центральном городе Урге начало функционировать в 1861 г. Представительства в Западной Монголии были открыты лишь в начале XX в.: в 1906 г. в Улясутае, в 1911 г. в Кобдо и Шара-Сумэ (в сентябре 1913 г. заработало отдельное консульство в Кобдо), в 1916 г. было создано вице-

* В документах изучаемого периода термины «культурный», «цивилизованный» и «европейский» часто используются как синонимы, передающие смысл «относящийся к ценностям западноевропейской культуры», «руководствующийся европейскими ценностями в повседневной практике».

консульство в Маймачэне⁴. Перед консульской службой России в Монголии стояли задачи, проистекавшие из ключевых целей российской политики на Дальнем Востоке во второй половине XIX — начале XX в., которые включали охрану *status quo* в региональной подсистеме международных отношений и стимулирование экономических контактов с государствами региона (в первую очередь, с Китаем). Стоит отметить, что до начала XX в. консулы, наряду с посланником в Пекине, были единственными официальными представителями России в Цинской империи, принимая активное участие в решении самых разнообразных вопросов российско-китайских отношений.

До начала 1910-х гг. правительство России не имело планомерной стратегии поддержки русской колонии и распространения культурного влияния в Монголии, и общественная жизнь в пунктах концентрации русских — Урге, Улясутае, Кобдо — не отличалась активностью⁵. По мнению консула в Урге В.Ф. Люба, консульство за 35 лет существования реализовало слишком мало культурных инициатив, что не способствовало созданию комфортных условий пребывания русских в Монголии и «успеху цивилизаторского значения» среди местного населения⁶. Несмотря на то, что Монголия приобрела для России стратегическую значимость уже во время русско-японской войны, до 1913 г. в отношении нее российским правительством не было выработано специальной политики. Современным уходом китайских конкурентов с монгольского рынка после переворота в Урге (в декабре 1911 г.), консульства активно призывали царское правительство к укреплению торгово-экономических позиций в данном регионе, в том числе, посредством улучшения инфраструктуры российской торговли и обеспечения широкого доступа монголов к благам цивилизации. В 1913 г. Особое Междуведомственное совещание под председательством Иркутского генерал-губернатора Л.М. Князева 11–24 июня 1913 г. приняло программу мер содействия развитию российской торговли, которая предполагала значительные экономические и гуманитарные выгоды и для населения Монголии⁷. Наиболее интенсивная деятельность правительства России по преобразованию инфраструктуры российской торговли и ее культурного облика пришлась на начало 1912–1915 гг. Однако

неблагоприятные внешние условия с конца 1914 г. привели к существенному снижению оборотов российской торговли в Монголии и ее глубокому кризису.

Следует отметить, что еще задолго до выработки правительством программы экономико-гуманитарного проникновения в Монголию (1911–1913), российские дипломаты прилагали усилия по «собираанию» российской колонии⁸, инициировали множество общественно-культурных проектов и участвовали в руководстве большинства из них, разъясняли коммерсантам важность культуртрегерства, внося заметный вклад в развитие социально-культурных связей России и Монголии. Выполнение «цивилизаторской» миссии консульствами в Монголии и создание положительного имиджа России как государства и очага великой культуры среди местного населения было неразрывно связано с их деятельностью по организации общественной жизни российской колонии (большую часть которой представляли русские торговцы) и созданию элементов инфраструктуры, необходимых для привычного быта соотечественников. По мере развития торговли через границу и роста русской колонии, «островки» русской культуры появились не только в Урге, но и в Северо-Западной Монголии, и в начале XX в. получили посильное содействие новых консульств в Улясутае, Кобдо и Шара-Сумэ.

Значительные усилия дипломаты приложили в области развития в Монголии медицины и ветеринарии, что являлось чрезвычайно важным для поселенцев и местного скотоводческого населения⁹. Эпидемии чумы и других заболеваний (тифа, оспы) уносили жизни тысяч людей и домашних животных, подвергая риску торговлю скотом. С учреждением консульства в 1861 г. Урга стала знакомиться с западной медициной. Одним из первых мероприятий консула К.Н. Боборыкина в этой области было приглашение фельдшера из России. Фельдшер И. Осипов оказывал помощь и русским поселенцам и монголам, инициировал вакцинацию против оспы, готовил детрит и обучал этому местное население, проводил занятия по европейской медицине для лам¹⁰, получив широкое признание местного населения.

Последующие консулы, по мере роста колонии в Урге, стремились организовать постоянную медицинскую помощь и периодиче-

ски ходатайствовали перед МИД об открытии больницы¹¹. Первые доктора, работавшие в городе на постоянной основе, прибывали в столицу Монголии вместе с военными отрядами, направленными в Китай в ходе подавления «боксерского» восстания и русско-японской войны, но оставались в Урге недолго. Только в 1903 г., когда за четыре месяца в городе умерло более 1500 монголов и около 300 китайцев, заболело множество российских подданных, 7 из которых скончалось, российское правительство удовлетворило очередное ходатайство консула об учреждении должности врача¹². Прием велся как для русских колонистов, так и для местных властей, китайских солдат, простых монголов. Кроме лечебной, врачи, в разное время прибывавшие в страну, вели санитарно-просветительную работу, способствовали уборке нечистот в городах, привлекая к этому русских поселенцев¹³. Примером отклика на призыв присоединиться к оспопрививанию монголов является деятельность семьи торговца А.В. Бурдукова в Западной Монголии¹⁴.

С организацией новых консульств в середине 1900 — начале 1910-х гг. для проблемы здравоохранения в Монголии появлялись новые решения. Консульские фельдшеры в Улясутае и Кобдо, как и их коллеги в Урге, оказывали помощь и русскому и монгольскому населению. В 1906 г. ургинский консул В.Ф. Люба смог добиться одобрения идеи лечения монголов на безвозмездной основе и выделения из казны 4 тыс. р. на постройку лазарета, медикаменты, наем фельдшера¹⁵. Дипломат подчеркивал важность этой меры для «сближения нашего со страной и ее населением и привлечения на нашу сторону народных симпатий»¹⁶.

Постоянный врач у консульства в Урге (С. Цыбыктаров) появился только весной 1909 г. (проработал до 1921 г.)¹⁷. К консульскому врачу обращались больные из всех аймаков и округов Монголии и прилежащих к ней регионов, даже Тибета, что укрепило в сознании аратов и знати благоговение перед российской медициной. Доктор С. Цыбыктаров был приглашен для прививания оспы при ямыне маньчжурского амбана¹⁸. При финансовой поддержке Русско-Китайского банка и фирмы «Коковин и Басов», С. Цыбыктаров открыл клинику с несколькими отделениями и аптеку с профессиональным провизором. С 1910 г. в медицинском

учреждении на деньги Дипломатической миссии в Пекине (2000 р. в год) существовала и бесплатная амбулатория для монголов¹⁹. Консульство в Урге в 1910 г. предлагало создать казенные амбулатории не только в столице, но и Заин-гэгэн-курене и Цзянь-цзюнь-ван-курене, где проживало большое количество русских²⁰. В Западной Монголии ситуация со здравоохранением была еще более сложной, чем в Урге. Несмотря на то, что консульство в этом регионе было открыто уже в 1909 г., постоянный врач в Улясутае появился лишь в 1913 г.

Учитывая затруднения с государственным финансированием медицинской помощи русским за рубежом, дипломаты в Монголии поддерживали устройство частных больниц (лазареты на Иринских приисках в 1906 г., в Тологойты в 1908 г., в Кударе и Могое в 1913 г.). В 1913 г. Общественное управление в Урге организовало больницу и аптечку. В начале 1910-х гг. фельдшеры и аптечки содержались в Кобдо, Улясутае, Цзаин-Шаби, Хатхыле²¹.

После подписания 21 октября 1912 г. соглашения об автономии Монголии правительством России был предпринят ряд мер по улучшению медицинской помощи в разных регионах страны, организацией которой занимались чиновники МИД. В 1913 г. в Ургу и Улясутай отправлены два отряда окулистов²². В 1913–1915 гг. в консульства в Улясутае и Кобдо, военный отряд в Кобдо были назначены врачи и фельдшеры. В то же время, в 1916 г. правительство отказало в выделении недостающей суммы (4,0–4,5 тыс. р.) на постройку больницы, которую под руководством консульства строила колония в Улясутае²³. В отсутствие надлежащего медицинского обслуживания, население Северо-Западной Монголии вновь оказалось беспомощным перед эпидемией оспы в январе 1916 г.²⁴ Таким образом, российская медицина, доказав свою продуктивность в привлечении симпатий кочевого населения, не была использована правительством для укрепления позиции «русского имени» в этой стране в полной мере.

Оказание ветеринарной помощи стало одним из наиболее значимых направлений российской политики по укреплению позиций в Монголии²⁵. Начало этой деятельности было положено в 1901 г., когда российское правительство отправило в Ургу ветеринара А.П. Свечникова для производства прививок

от очередной эпидемии чумы, свирепствовавшей в степи. Благодаря ургинскому консулу Я.П. Шишмареву появилась идея производить прививки монголам и их скоту, а в 1903 г. с помощью консула врач А.А. Дудукалов открыл первую в Монголии ветеринарно-противочумную станцию²⁶. После первого опыта массового прививания монгольского скота весной-осенью 1910 г. Я.П. Шишмарев призвал правительство взять на себя расходы по организации противочумной станции в Монголии для снижения издержек в торговле сырьем и скотом²⁷. Консул поддержал идею ветврачей о пользе приготовления противочумной сыворотки в Урге, и осенью 1910 г. выделил участок в 9600 кв. м между консульством и Маймаченом для скотного двора и лаборатории филиала Читинской противочумной станции²⁸, которая оказалась очень востребованной²⁹. Наряду с этим, консулы в Урге, Улясутае контролировали работу российских экспедиций, прививавших животных. После подписания российско-монгольского соглашения 1912 г. обсуждалась идея прикрепления к каждому консульству в Монголии по ветеринарному врачу, а также учреждения на российские средства сети ветпунктов по всей стране. Ургинское правительство отказалось от данного предложения, расценивая его как угрозу экономической безопасности Монголии. В 1913 г. генконсул А.Я. Миллер поддержал ходатайство врачей Читинской станции о создании в Урге постоянного ветеринарного пункта с лабораторией и квартирами³⁰ и способствовал распространению информации о заразных болезнях скота через столичный журнал «Шинэ-толи». А.Я. Миллер также предпринимал попытки объединения ветеринарных служб Восточной Сибири и Монголии, но и этот проект не был реализован³¹, и прививание продолжалось отдельными экспедициями.

Несмотря на то, что не все проекты области медицины и ветеринарии, предложенные консульствами и русскими поселенцами, были реализованы, результатом мероприятий в этой сфере стало значительное снижение падежей скота и углубление симпатий монгольских аратов и аристократии к русским. Одним из важнейших эффектов от популяризации российской медицинской помощи с точки зрения культурной дипломатии было то, что, как писал генконсул А.А. Орлов, она способство-

вала эмансипации монголов от суеверий, внушаемых ламством, и отказу от «стремления населения обеспечить своим детям безбедное туеядческое существование»³².

Особое значение в ходе реализации «культурной миссии» в Монголии консульства придавали просвещению, ознакомлению с достижениями русской культуры не только соотечественников, но и местного населения. По согласованию с маньчжурскими властями в 1864 г., консулом Я.П. Шишмаревым была открыта школа переводчиков, которая в 1884 г. получила официальный статус. Подготовка переводчиков восточных языков была важным шагом на пути преодоления языкового барьера в коммуникации российских подданных с монгольским, китайским, тюркским населением городов китайского приграничья, развитию «зон конвергенции» во взаимодействии двух империй.

Вторым серьезным образовательным проектом консульства в Урге было создание в 1908 г. трехклассной русской школы с программой Министерства народного просвещения, в которой обучалось 20 детей. В целях популяризации российского образования, консул предлагал принимать на учебу детей влиятельных монголов³³, чего удалось добиться только в 1913 г. консулу А.Я. Миллеру.

В целях развития торговых контактов и дела просвещения в Монголии, консульства предлагали государству инвестировать в обучение монгольской молодежи. Незнание монголами русского языка являлось причиной многих недоразумений в торговых отношениях³⁴. Несмотря на сопротивление ламаистской церкви светскому просвещению, еще в мае 1894 г. Я.П. Шишмарев, заручившись поддержкой ургинских амбаней, ходатайствовал через посланника перед Цзунли-ямынем об учреждении в Урге языковой школы для молодых монголов³⁵. Проект Я.П. Шишмарева был одобрен пекинскими чиновниками, в том числе, Ли Хунчжаном, но не получил финансирования амбаней³⁶. После переворота 1911 г. деятельность по созданию школы русского языка и перевода возобновилась с подачи МИД Монголии. Консульство в краткие сроки предложило Поверенному в делах в Пекине смету расходов по школе (3 тыс. р. на 6 учеников в год)³⁷. Реализация проекта школы началась В.Ф. Любой и специально уполномоченным

И.Я. Коростовцом*. Летом 1912 г. интернат для шести монгольских стипендиатов и приходящих учеников был открыт. В условиях нехватки финансов МИД Монголии не раз обращался к специалистам консульской школы для организации работы первой монгольской общеобразовательной школы (основана 24 марта 1912 г.). Консульством в Урге и известным монгольским просветителем Ц.Ж. Жамцарано также предпринималась попытка отправить группу монголов в учебные заведения Иркутска, но ургинское правительство не смогло оплачивать их учебу³⁸.

Императорские консульства служили важными центрами российско-монгольского информационного обмена. Получая газеты, журналы, агентские телеграммы из России, дипломаты и предприниматели знакомили с ними власти и население Монголии. Книги, журналы, альбомы, в том числе, по медицине, географии, истории, карты консул в Урге выписывал из России для самого богдо-гэгэна и других лам. До 1910-х гг. администрация и население страны в информационном отношении существенно зависели от российских подданных. Например, большую часть оперативных сводок с фронтов китайско-японской войны 1894–1895 гг. амбани в Урге получали из российского консульства. Обмен информацией между русскими и монголами усилился в период освободительного движения в Монголии (1911–1915). Возрос интерес монголов к образованию, углублению знаний о соседних странах. Монгольская интеллигенция стала активно использовать прессу приграничных регионов России в целях общения с «северным соседом» — предупреждения сибирского населения об эпидемиях и природных бедствиях в пограничной зоне, рекламы товаров.

В период автономии Монголии, благодаря стараниям консульств и русского купечества, в городах оживилась культурная жизнь, в которую интегрировались и монголы. В Урге и Улясутае на средства торговцев и при поддержке консулов А.Я. Миллера и А.А. Вальтера были организованы библиотеки-читальни³⁹,

* Директором школы был интеллигентный бурят Ц.Ж. Жамцарано, бывший преподаватель Петербургского университета, редактор первой монгольской газеты. Учителем школы также был бурят Н.Т. Данчинов. Консульскую школу оканчивал будущий лидер революции Чойбалсан.

которые посещало и местное население. Усовершенствовалась система доставки российской литературы и периодики в монгольские города (выписывалось более 20 наименований журналов и газет)⁴⁰. В это время русский клуб в Урге, открытый в 1903 г., освоил новые направления просветительской и рекреационной деятельности**. В 1915 г. в Урге были созданы хор певчих и оркестр струнных инструментов, проводились публичные лекции с участием чинов консульства, врачей, учителей, есаула консульского конвоя⁴². Предпринималась даже попытка создать монгольский оркестр под управлением русского капельмейстера, однако проект реализовать не удалось. К 1919 г. у клуба появилось собственное двухэтажное здание⁴³. Управляющий консульством В.Н. Лавдовский летом 1911 г. добился разрешения на открытие в Урге кинематографа, ставшего одним из любимых развлечений русских, монголов и китайцев⁴⁴. В период работы А.Я. Миллера в Урге при консульстве имела типография, издававшая популярные журналы на монгольском языке, в том числе, журнал «Шинэ-толи» («Новое зеркало»), посредством которых не только популяризировался монгольский язык, но и оказывалось «нравственное воздействие» на монголов. Вышеописанная деятельность русского сообщества в Монголии имела большое культурное значение для местного населения, которое, невзирая на неодобрение ламством получения «светских» знаний, проявляло все больший интерес к достижениям европейской цивилизации.

Эффективным средством привлечения симпатий монгольского населения к России и христианским ценностям была организация консульствами благотворительной деятельности. Для помощи беднякам, старикам и больным консульство использовало как частные, так и государственные источники. Так, в 1896–1898 гг., отмеченные затяжными зимами и бескормицей, в Урге был организован сбор средств для покупки шуб для детей из неимущих семей, раздачи мяса и кирпичного чая в первые дни монгольского Нового года. К «благодарному делу» консульство привлекало всех воз-

** В клубе имела сцена, бильярд, казачий оркестр балалаечников, устраивались танцы под граммофон и любительские спектакли⁴¹.

можных спонсоров*. В 1897–1898 г. консульство устроило бесплатную столовую для 40 бедняков и больных на сумму 1200 р.⁴⁶ Финансовая поддержка монголов правительством России заключалась в оплате медицинской помощи врачом консульства, а также периодической выдаче пособий особо нуждавшимся. При консуле Я.П. Шишмареве была заведена традиция финансовой помощи монгольским казенным почтовым станциям**, несмотря на то, что по трактатам российские чиновники могли пользоваться ими бесплатно. С 1869 г. по ходатайству консульства в Урге генерал-губернатор Восточной Сибири периодически испрашивал в Министерстве внутренних дел по 1500–1800 р. для дополнительного вознаграждения монгольских станций (примерно по 150 р. на каждую), что расценивалось как добродетельный поступок со стороны русского правительства⁴⁷. В 1908 г. по ходатайству консульства в Урге Россия выделила крупную сумму на помощь монгольским станциям, пострадавшим от стихийных бедствий⁴⁸.

Формированию положительного образа России и «русского» в глазах монголов способствовала и работа по контролю за нравственным обликом русской колонии, воспитанию у поселенцев уважения и интереса к истории, природе, традициям и обычаям страны пребывания. Дипломатические сотрудники, в меру сил, следили за чистоплотностью купечества, выявляя случаи обманов монгольских покупателей, боролись с «суровыми» развлечениями, характерными для некоторых торговцев⁴⁹. С подачи консульских служащих многие русские торговцы увлеклись изучением Монголии, собирали коллекции древностей, поддерживали русских путешественников, знакомили монголов с русской культурой. Представители факторий в Урге, Улясутае, Кобдо, Шара-Сумэ, а также других центров русской торговли (Уланком, Ван-Хуре, Цзаин-Шаби) проявляли заботу о монголах, не только помогая в прививании населения и скота во время эпидемий, но и способствуя их трудоустройству и получению дополнительного заработка посредством найма для перевозки чая, работ на заимках и при-

* Проезжавший в июне 1897 г. по Монголии князь Э.Э. Ухтомский передал для этих целей консульству более 1000 р.⁴⁵

** Уртонная служба являлась формой государственной повинности монголов.

исках. Доверительные отношения монголов и русских, сложившиеся со временем, укрепляли российское влияние в степной стране. Содержание, положительный характер этого взаимодействия и его очевидный контраст с монголо-маньчжурскими отношениями, во многом, повлияли на решение монголов искать содействия «северного соседа» в решении вопроса о получении автономии в начале 1910-х гг.

Таким образом, во второй половине XIX — начале XX вв., культурная дипломатия имела существенное значение для создания положительного образа России в Монголии и многовекторного развития российско-монгольских связей на официальном, региональном и локальном уровнях. В изучаемый период ключевую роль в формировании привлекательного имиджа государства и российской культуры в степной стране сыграли заграничные представительства России, работавшие на данном направлении в тесном сотрудничестве с российскими предпринимателями, приграничным населением и местными администрациями.

Деятельность российских дипломатов, невзирая на многочисленные трудности, сопряженные с ее реализацией (препоны маньчжурских и республиканских властей Китая, скудное финансирование и недооценка правительством важности гуманитарных инициатив, экзотические климатические и культурные условия службы и пр.), существенно способствовала установлению прочных политических контактов России с Монголией, преобразованию простого товарного обмена через границу во вполне цивилизованные экономические связи, а также проецированию на Монголию русского культурно-духовного влияния. Положительными эффектами ее также стали социально-культурная конвергенция приграничных регионов двух стран, популяризация знаний о «южном соседе» в России, рост производительных сил Монголии страны и «открытие» последней окружающему миру.

Достижения российской культурной дипломатии оказались весьма значимыми для формирования «особых» отношений России и Монголии на долгосрочную перспективу, и, как показал опыт последующих периодов, инструменты и принципы дипломатии «второй дорожки» обладают значительным потенциалом для укрепления взаимодействия и взаимопонимания двух стран и культур.

Примечания

- ¹ Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. N.Y., 2004.
- ² Ухтомский Э.Э. Из китайских писем. СПб., 1901. С. 27.
- ³ Русский консул в Монголии: Отчет Я.П. Шишмарева о 25-летней деятельности Ургинского консульства / сост., вступит. статья, примеч., библиогр. Н.Е. Единарховой. Иркутск, 2001. С. 14.
- ⁴ Монголия // Вестник Азии. 1916. № 37. С. 125.
- ⁵ Боголепов М.И., Соболев М.Н. Очерки русско-монгольской торговли. Экспедиция 1910 г. Томск, 1911. С. 104–113.
- ⁶ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 495.
- ⁷ Журнал Особого Междуведомственного Совещания, бывшего в С.-Петербурге под председательством Иркутского Генерал-Губернатора, Егермейстера Л.М. Князева, по русско-монгольским делам. Иркутск, 1913. С. 28–39, 45–50.
- ⁸ Лиштованный Е.И. Монголия в истории Восточной Сибири (XVII — XX вв.). Иркутск, 2001. С. 85.
- ⁹ Журнал Особого Междуведомственного Совещания, бывшего в С.-Петербурге под председательством Иркутского Генерал-Губернатора, Егермейстера Л.М. Князева, по русско-монгольским делам. С. 32–33.
- ¹⁰ Единархова Н.Е. Русское консульство в Урге и Я.П. Шишмарев. Иркутск, 2008. С. 59.
- ¹¹ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 589. Л. 4–5.
- ¹² Там же. Д. 563. Л. 181.
- ¹³ Даревская Е.М. Сибирь и Монголия: Очерки русско-монгольских связей в конце XIX — начале XX веков. Иркутск, 1994. С. 128.
- ¹⁴ Бурдуков А.В. В старой и новой Монголии. Воспоминания. Письма. М., 1969. С. 374.
- ¹⁵ Свечников А.П. Русские в Монголии. СПб., 1909. С. 26–27.
- ¹⁶ Даревская Е.М. Сибирь и Монголия. С. 121.
- ¹⁷ Сибирский торгово-промышленный ежегодник. СПб., 1913. Отд. IV. С. 491.
- ¹⁸ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 599. Л. 35.
- ¹⁹ Там же. Д. 566. Л. 13–19. Л. 19.
- ²⁰ Там же. Д. 565. Л. 133.
- ²¹ Даревская Е.М. Сибирь и Монголия. С. 128.
- ²² Труды совещания по вопросам о развитии торговых сношений с Монголией, созванного иркутским генерал-губернатором егермейстером Л.М. Князевым в декабре 1912 — январе-феврале 1913 г. Иркутск, 1913. С. 80.
- ²³ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 623. Л. 183–184, 190.
- ²⁴ Сибирская жизнь. 15 января 1916. № 22. С. 1.
- ²⁵ Журнал Особого Междуведомственного Совещания, бывшего в С.-Петербурге под председательством Иркутского Генерал-Губернатора, Егермейстера Л.М. Князева, по русско-монгольским делам. С. 32–33.
- ²⁶ Даревская Е.М. Сибирь и Монголия. С. 100.
- ²⁷ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 565. Л. 119.
- ²⁸ Там же. Л. 117об.
- ²⁹ Там же. Л. 118.
- ³⁰ Даревская Е.М. Сибирь и Монголия. С. 106.
- ³¹ Там же. С. 111.
- ³² АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 623. Л. 181об.
- ³³ Там же. Д. 565. Л. 53об.
- ³⁴ Ровинский П.А. Мои странствования по Монголии // Вестник Европы. № 7. 1874. С. 286–287.
- ³⁵ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 267об.
- ³⁶ Даревская Е.М. Сибирь и Монголия. С. 146–147.
- ³⁷ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 566. Л. 57–57об.
- ³⁸ Коростовец И.Я. От Чингисхана до Советской Республики. Улан-Батор, 2004. С. 218.
- ³⁹ Даревская Е.М. Сибирь и Монголия. С. 163–164. По данным А.В. Бурдукова, в Улясутае библиотека насчитывала до 1000 томов, оформлена подписка на 30 периодических изданий (Бурдуков А.В. В старой и новой Монголии. С. 378).
- ⁴⁰ Майский И.М. Современная Монголия. Иркутск, 1921. С. 92; Даревская Е.М. Сибирь и Монголия. С. 158–159.
- ⁴¹ АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 868. Л. 3.
- ⁴² Там же. Ф. 143. Оп. 491. Д. 623. Л. 186.
- ⁴³ Даревская Е.М. Сибирь и Монголия. С. 170.
- ⁴⁴ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 566. Л. 23.
- ⁴⁵ Там же. Д. 562. Л. 561.
- ⁴⁶ Там же. Л. 561об.–562.
- ⁴⁷ Там же. Л. 425 об.
- ⁴⁸ Там же. Д. 565. Л. 69.
- ⁴⁹ Единархова Н.Е. Русские в Монголии: основные этапы и формы экономической деятельности (1861–1921 гг.). Иркутск, 2003. С. 196–197.

Научное издание

**Россия и Монголия
в начале XX века
ДИПЛОМАТИЯ, ЭКОНОМИКА, НАУКА**

Книга 3

*Часть 1. Статьи участников
III Международной научно-практической конференции*

Сборник научных трудов

Издается в авторской редакции

Дизайн обложки и подготовка оригинал-макета
Т. А. Лоскутовой

ИД № 06318 от 26.11.01.

Подписано в печать 21.05.14. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать трафаретная.
Усл. печ. л. 48,0. Тираж 500 экз. Заказ 6090.

Издательство Байкальского государственного университета
экономики и права.
664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

Отпечатано в ИПО БГУЭП.